Мамедов Р. Ш. Особенности политического развития Ирака в 2003—2020 годах: формирование новой элиты / Р. Ш. Мамедов, М. А. Сапронова // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 357—370. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-357-370.

Mamedov, R. Sh., Sapronova, M. A. (2021). Features of the Political Development of Iraq in 2003—2020: the Formation of a New Elite. *Nauchnyi dialog*, 1: 357-370. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-357-370. (In Russ.).

УДК 94(567)“2003/2020”

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-357-370

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИРАКА В 2003—2020 ГОДАХ: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ЭЛИТЫ

© Мамедов Руслан Шакирович (2021), orcid.org/0000-0002-9783-5500, ResearcherID AAY-5837-2020, программный менеджер, Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам» (Москва, Россия), gmamedov@russiancouncil.ru.

© Сапронова Марина Анатольевна (2021), orcid.org/0000-0002-4241-2156, доктор исторических наук, профессор, профессор РАН, профессор кафедры востоковедения, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва, Россия), m.sapronova@inno.mgimo.ru.

Рассматриваются особенности рекрутирования политической элиты Ирака после свержения режима президента С. Хусейна в 2003 году. Актуальность исследования обусловливается необходимостью изучения процессов элитообразования на Ближнем Востоке в период региональных трансформаций. Выявлены ключевые механизмы и принципы формирования иракской политической элиты в рамках складывающейся постсаддамовской политической системы. Показано, что входившие во власть при поддержке американцев политические лидеры до 2003 года представляли собой «контрэлиту» С. Хусейну, поэтому участие в оппозиционных режиму движениях стало важным критерием рекрутирования. Комментируются неформальные (традиционные) принципы рекрутирования новой элиты, ставшие основным механизмом этого процесса. Охарактеризован принцип «мухасаса таифийя», который предполагает распределение политических позиций в соответствии с долей этноконфессиональных групп в общем составе населения. Уделяется внимание клановой солидарности и религиозным институтам. Подчеркивается, что роль шиитских религиозных структур, в том числе духовных лидеров, и их влияние на процесс формирования политической элиты серьезно возросли по сравнению с дооккупационным периодом.

Ключевые слова: Ирак; шииты; рекрутирование политической элиты; мухасаса; этноконфессиональная группа; клановость.

1. Введение

Американское вторжение в Ирак и его оккупация в 2003 году поставили, кроме прочих вопросов глобального и регионального характера,

вопрос о формировании новой власти. Насильственное прерывание процесса государственного развития страны усилило межконфессиональные противоречия, а провозглашенные демократические принципы пришли в противоречие со сложным в социальном и этноконфессиональном отношениях обществом. Разрушение институтов авторитарного правления и отход от прежних государственных принципов создали совершенно новую политическую ситуацию, в которой при непосредственном участии американцев начала формироваться политическая система и рекрутироваться новая властная элита. Под рекрутированием и механизмами рекрутирования элиты понимаются, по определению О. Гаман-Голутвиной, «принципы выдвижения в ее состав новобранцев, неизбежно разнящиеся в зависимости от общественного строя и исторической эпохи (такими принципами, попеременно либо синхронно, были кровное родство, наследование, владение собственностью, профессиональная компетентность, партийная принадлежность, личная преданность, старшинство или выслуга лет, протекционизм и т. д.)» [Гаман-Голутвина, 2000, с. 100].

Основную роль в определении механизмов формирования этой элиты, строительства институтов и избирательного процесса сыграла Временная коалиционная администрация (ВКА) — созданный американцами в 2003 году оккупационный орган для управления Ираком, — а также ее консультативный орган — Временный управляющий совет Ирака (ВУСИ), в который вошли бывшие оппозиционеры режиму Саддама Хусейна. Эти политические деятели сначала сформировали переходные органы власти, а затем закрепили свои позиции после принятия новой иракской конституции 2005 года.

Однако это не стабилизировало политическую ситуацию в стране, напротив, результатом прихода к власти новой элиты стало обострение межконфессиональных отношений, усиление терроризма, ускоренные процессы децентрализации и практический паралич самой власти.

2. Из контрэлиты в новую элиту

В сформированные временные органы государственной власти в оккупационный период в соответствии с предписаниями «справедливого представительства для меньшинств» и начавшегося процесса дебаасификации вошли прежде всего политические деятели, находившиеся в оппозиции к режиму С. Хусейна. Эта так называемая «контрэлита» Ирака была разделена на внутреннюю и внешнюю оппозиции, дробившиеся, в свою очередь, на кланы, ориентированные на страны их проживания до 2003 года (Иран, Великобритания, США и др.).

Участие в деятельности ключевых антирежимных организаций и близость к антисаддамовским внешним силам стали естественным пропуском в новую иракскую элиту. Кроме того, зачастую лица, формировавшие антисаддамовские движения за рубежом, сами или их непосредственные родители тоже некогда были частью иракской элиты, вытесненной из страны. Так, наиболее влиятельными (оппозиционными С. Хусейну) организациями на Западе (со связями в Лондоне и Вашингтоне): Иракским национальным согласием (ИНС) и Иракским национальным конгрессом (ИНК) — руководили Ийяд Аляуи и Ахмад Чалаби, чьи предки представляли традиционную иракскую элиту еще в период монархии (до революции 1958 года). Оба этих лидера, по сути, светские, но из шиитских семей, заняли ключевые позиции после свержения Саддама Хусейна. Среди прочих постов И. Аляуи занял главную позицию в стране, став премьер-министром первого временного правительства Ирака (2004—2005), а А. Чалаби возглавил один из влиятельнейших органов власти того периода — комиссию по дебаасификации Ирака (дебаасификация использовалась в качестве инструмента для того, чтобы избирательно лишать большое количество людей своей работы в органах безопасности или не допускать определенные лица до выборов [Cordesman, 2009, p. 38]). Другими крупными антисаддамовскими движениями были поддерживаемые в Иране организации, такие как Высший совет исламской революции в Ираке (ВСИРИ) во главе с семьей аль-Хаким. В достаточно уникальном положении находилась шиитская партия «Даава», имевшая связи и свои офисы в Иране, Великобритании и арабском мире (Сирия). Даава была образована в 1950-х годах группой иракских шиитских религиозных лидеров для ведения борьбы со светским республиканским режимом в Ираке, продвижения исламских ценностей и создания исламского государства [Мамедов и др., 2020].

Поскольку у американцев не было желания допустить к вводимым ими избирательным процедурам связанных с предыдущей властью лиц (включая простых бюрократов), а население блокировалось вокруг своих этноконфессиональных групп, победа шиитских политических сил была неминуемой. Новая политическая система была сформирована под этноконфессиональные особенности.

По итогам первых парламентских выборов, которые состоялись 30 января 2005 года, подавляющее большинство мест заняли шииты: победу одержал шиитский блок «Объединенная иракская коалиция» (ОИК), получив 140 мест из 275; второе место, с 75 местами, осталось за блоком объединенных курдских партий Демократический патриотический курдский альянс (ДПКА), также сотрудничавших с американцами. Третьей крупней-

шей политической силой (шиитской, но со светским видением) стала партия «Иракский список» (ИС) на тот момент временного премьер-министра И. Аляуи с 40 местами [Сапронова, 2006].

У первых парламентариев и сформированных ими правительств отсутствовал какой-либо управленческий опыт. Занимавшие министерские посты лица постоянно менялись, что не позволяло им обрести этот опыт. Кроме того, в новых органах государственной власти внутрииракские политические силы оказались в меньшинстве, так как подавляющее большинство постов в первых правительствах заняли иракцы, проживавшие до этого за рубежом. Эти новые лидеры почти всю свою «карьеру» вели борьбу против режима С. Хусейна, что, естественно, закрыло доступ к любым постам и властным ресурсам всем адептам бывшего президента [Marr, 2007], прежде всего, суннитским лидерам, которые в результате этого сами стали оппозицией для новой власти. Претендовавший на роль лидера суннитов и возглавлявший Ассоциацию мусульманских ученых Харис ад-Дари призвал к национальному сопротивлению и отверг возглавляемый американцами процесс национального строительства.

Бойкот суннитскими лидерами голосования в Национальное Собрание 2005 года в самом начале образования новой государственной власти привел к их ограниченному представительству в политическом процессе. Этому способствовала и принятая избирательная система. На выборах 2005 года Ирак представлял собой единый избирательный округ, а места распределялись путем пропорционального представительства на основе национальных списков. Вместо того, чтобы отвечать перед избирателями того или иного города, парламентарии должны были только оставаться лояльными партийным лидерам [Rubin, 2004]. В дальнейшем, конечно, избирательная система Ирака эволюционировала в пользу большего количества округов и даже репрезентативности, однако сформировавшаяся в первые годы оккупации Ирака элита сохраняла свои позиции и впоследствии.

Ключевое изменение в постсадамовской политической элите по итогам выборов 2010 и 2014 годов связано с тем, что в ней доминировали шиитские политики, проживавшие ранее не на Западе, а в ближневосточных государствах или в самом Ираке в период правления С. Хусейна. Поддерживавшийся Британией и США И. Аляуи имел шанс получить премьерское кресло в 2010 году, когда доверие суннитов позволило ему укрупнить политическую коалицию «Иракский список». Однако после выхода США из Ирака в 2011 году он, хотя и защитил позиции своего клана и занял важное место в политическом процессе, но влияние свое все же утратил. Считавшийся наиболее авторитетным у оккупантов поначалу А. Чалаби

не имел какой-либо социальной поддержки. Такая ситуация и ослабление других политических игроков позволили премьер-министру Н. аль-Малики (в прошлом возглавлявшему политическое бюро партии «Даава» в Дамаске) удерживать позицию премьер-министра в течение длительного времени (2006—2014) и руководить правящей партией, ставшей основой лидирующей коалиции «Правовое государство». В 2014 году в период распространения террористической организации «Исламское государство»¹ (далее — ИГ) и политического кризиса в Багдаде ему пришлось уступить место премьер-министра однопартийцу Хайдеру аль-Абади (проживавшему в изгнании в Лондоне в саддамовский период), что продемонстрировало раскол в партии по линии «западников» и «регионалов». Но роль лидера коалиции и влияние в парламенте за собой сохранил Н. аль-Малики.

Важное место в избирательном процессе заняли партии двух представителей религиозных авторитетных семей с наибольшим влиянием и поддержкой масс. К 2014 году усилилось институциональное влияние выходца из семьи шиитских ученых и проповедников, возглавлявших антисаддамовское движение внутри Ирака, Муктады ас-Садра. В 2014 году на выборах его блок «аль-Ахрар» получил 34 места в парламенте. Другим представителем влиятельной, подвергавшейся репрессиям в Ираке и проживавшей более двух десятилетий в Иране семьи можно назвать Аммара аль-Хакима, лидера Высшего исламского совета Ирака (ВИСИ). Его коалиция «аль-Муватын» (Гражданин) в 2014 году замыкала тройку лидеров (29 мест).

Атмосфера разделённости внутри этноконфессиональных групп позволила изменить политический ландшафт в Ираке к 2018 году. Правящая до этого времени партия «Даава» раскололась, и на выборы 2018 года вышли две коалиции во главе с двумя бывшими премьерами Ирака от Даавы: Правовое государство (аль-Малики сохранил руководство и название) и Наср (Победа) Х. аль-Абади. Усилилось представительство в парламенте движения садристов и поддерживаемого Муктадой ас-Садром блока «ас-Саирун». Обновленное движение садристов выиграло (54 места) выборы при вступлении в коалицию с группами (коммунистами в том числе), поддерживавшими идеи технократизма и светскости. Вторым крупнейшим блоком стала новая политическая сила «Фатх» (Завоевание) во главе с Хадид аль-Амири, который был известен руководством проиранским корпусом «Бадр». Формирование этой политической коалиции связано со стремлением выходцев из Сил народного ополчения (СНО), сыгравших важную роль в борьбе с ИГ², переориентироваться и реализоваться в политическом

1 Деятельность организации запрещена на территории РФ.

2 Деятельность организации запрещена на территории РФ.

пространстве. Упомянутый ранее Аммар аль-Хаким к выборам 2018 года вышел из ВИСИ и образовал новое движение «Аль-Хикма», провозглашая переход к более либеральным идеям (19 мест).

Таким образом, избирательный процесс продемонстрировал, что к 2018—2020 годам наметился тренд на переход к социально-ориентированной риторике, при этом проживавшие до 2003 года на Западе оппозиционные режиму С. Хусейна политики уступали часть своего влияния иракским политическим лидерам и их движениям, связанным либо с региональными, либо с внутрииракскими силами. Тенденция на усиление этноконфессионального аспекта в электоральном процессе получила свое дальнейшее развитие (в том числе в увеличении квот для этноконфессиональных меньшинств в избирательном законодательстве), хотя сами иракские партии проводили ребрендинг и мобилизовывали свой электорат на технократической, а не этноконфессиональной основе.

3. Устойчивость кланов и раскол партийных блоков

На фоне этноконфессионального противостояния и борьбы за власть в Ираке усиливался процесс клановой солидарности, которую исследователи обосновывают актуальной и в настоящее время теорией арабского мыслителя XIV века Ибн Хальдуна (1332—1406) об «асабийи» — корпоративном духе, направленном на обретение и сохранение власти [Noungani et al., 2002]. «Циклическая динамика» Ибн Халдуна раскрывается как постоянно возобновляемый «поиск подлинного авторитета, который в отсутствие Пророка замещается выдвигаемым из среды самой асабийной группы патриархальным или харизматическим лидером», превращающимся в наследственного автократического правителя, что «создает условия для захвата власти новой асабийей» [Алексеев, 2016, с. 97].

Иракские ученые отмечают, что еще до вторжения американцев в Ирак в 2003 году слабость институтов государственной власти вела к усилению значения решений лидера с опорой на три основных внутренних столпа власти: партия (руководящая партия Баас), военная организация (армия и спецслужбы), семейная и племенная организация. В свою очередь, основным мерилom рекрутирования элиты являлась лояльность лидеру именно из этих трех страт общества — партийных и армейских товарищей самого С. Хусейна, членов его семьи, клана и племени (и ближайших к ним племен) [Ат-Тамими, 2013].

В постаддамовский период клановость не только сохранилась, но и усилилась внутри основных этноконфессиональных групп Ирака, и это стало одним из факторов политической раздробленности и невозможности

создания этноконфессиональными группами устойчивых партийных коалиций. Именно конгломерат семей (связанных в основном общей историей борьбы с С. Хусейном) и стала представлять собой *большая* часть иракской элиты после 2003 года.

Ключевыми кланами *Иракского Курдистана* продолжают оставаться семьи Барзани и Талабани, чьи представители удерживают свои позиции на протяжении десятилетий. Так, Масуд Барзани, будучи председателем Демократической партии Курдистана, стал первым президентом Иракского Курдистана с 2005 по 2017 годы, а с 2019 года этот пост занимает его племянник Нечирван Барзани. В то же время премьер-министром Иракского Курдистана выступает сын Масуда Барзани Масрур. Семья Табалани возглавляет вторую крупнейшую партию курдов — Патриотический союз Курдистана. Лидер партии Джалаль Талабани был президентом Ирака с 2005 по 2014 годы, в то время как его сыновья занимали важные позиции в государственном управлении Иракского Курдистана. Так, сын Джалыла Кубад Талабани — заместитель премьер-министра с 2014 года и до настоящего времени. *В шиитской среде* доминируют авторитетные религиозные семьи ас-Садр и аль-Хаким (см. выше). При этом зачастую каких-либо официальных позиций лидеры этих семей и образованных ими движений не занимают, но осуществляют влияние на политический процесс. С другой стороны, шиитской частью элиты можно назвать и представителей Даава (например, семью Н. аль-Малики) и лидеров проиранских групп, таких как Х. аль-Амири. Таким образом, единства внутри шиитской общины нет, что отражается на динамике политического процесса в стране [Ад-Дабагх, 2017].

В *среде суннитов* также происходили расколы. Как было сказано выше, семья ад-Дари и суннитские политические силы бойкотировали выборы в период прямой американской оккупации Ирака в 2003—2005 годах, что негативно отразилось на суннитском представительстве. К выборам 2010 года американцы стремились реинтегрировать суннитские силы в политическое пространство. В этом процессе американцы заняли позицию ключевого посредника между кланами. Так, к 2010 году увеличилось количество суннитских партий, участвовавших в выборах. Во многом это произошло по причине американского посредничества между уже правящими элитами в столице и кланами, претендовавшими на участие в перераспределении государственных ресурсов. Проблема заключалась в том, что представлявшие суннитское население семьи и кланы, как, например, ас-Сулейман из племени Дулайм и аль-Явар из племени Шаммар, были реинтегрированы в иракское политическое пространство не в контексте всеобъемлющего примирения и принятия со стороны других бывших у вла-

сти кланов, а путем попытки их привлечения и включения в политический процесс посредником — американцами. И когда пропал посреднический элемент — с выходом американцев из Ирака в 2011 году — власти в лице премьер-министра Н. аль-Малики сразу дали старт кампании по дискредитации суннитских лидеров.

Во многом суннитским политическим силам приходилось включаться в политический процесс в рамках светских блоков. Но даже здесь проблема была в упущенном моменте и взятом новыми властями курсе на маргинализацию и дискриминацию суннитских политических сил (особенно во второй срок премьерства Н. аль-Малики с 2010 по 2014 годы). Наиболее успешным стал пример продвижения суннитов в рамках светского «Иракского списка», образованного в 2010 году. Однако уже к 2014 году аль-Иракийя распалась на несколько блоков, а к 2018 году суннитам так и не удалось сформировать своей коалиции. Именно процессы маргинализации суннитской части населения и дискриминации суннитских политиков, особенно после вывода американских сил в 2011 году, и послужили одной из причин радикализации ситуации и создания атмосферы для распространения ИГ¹.

4. «Мухасаса таифийя» — неформальный принцип рекрутирования новой элиты

Важным принципом распределения властных полномочий в постсаддамовский период стал неформальный принцип распределения властных полномочий в соответствии с квотированием мест по этноконфессиональному принципу: в зависимости от численности, веса, влияния иракских общин, а также договоренностей между ними (принцип «мухасаса таифийя»). Эта система была разработана среди иракской оппозиции за рубежом еще в начале 1990-х годов. Затем идея реорганизации и разделения иракского политического пространства по линиям этноконфессиональных идентичностей была принята оппозицией режиму С. Хусейна, оформившейся в 1992 году на конференции в Салах ад-Дине (Багдад тогда потерял власть над этим городом), в которой приняли участие члены правительства в изгнании. По «принципам Салах ад-Дина» должности распределялись в соответствии с долей этноконфессиональных групп (курдов, арабов-суннитов, арабов-шиитов и др.) в общей численности населения [Dodge, 2018].

После 2003 года американцы содействовали укреплению именно этой системы. По описанию администрации Джорджа Буша-младшего, миссия по демократизации Ирака должна была привести к трансформации его

1 Деятельность организации запрещена на территории РФ.

в прозападное государство и становлению его в качестве демократического примера для других арабских стран. Однако именно против такой поддержанной американцами системы и сформированной в ее рамках политической элиты выступило население страны, которое вышло на масштабные протесты в 2019 году [Selim, 2012]

Система «мухасаса таифийя» подразумевает наличие особых неформальных механизмов взаимодействия, что часто сравнивают с ливанским политическим конфессионализмом (становлению которого в Ливане и Сирии способствовала Франция в подмандатный период) и консоциативным типом отношений политических групп [Saouli, 2019]. Система задает рамки для принятия политических решений в «глубоко разделенных обществах» [Наумкин, 2015; Lustick, 1979]. А. В. Сарабьев справедливо отмечал, что для Ливана характерен особый способ принятия политических решений «на основе неформальных институтов и практик (возможно, архаичных и регрессивных), во многом дополняющих демократические институты и процедуры и делающих их эффективными в особых условиях существования гетерогенного ливанского общества» [Сарабьев, 2019, с. 92]. В определенной степени это стало характерным и для Ирака после 2003 года, что позволяло достигать договоренностей и компромиссов внутри элиты, однако не способствовало развитию демократических институтов.

Существование такого рода неформальных институтов и практик в условиях «хрупкой» государственности представляется значимым элементом политического процесса.

5. Влияние религиозного института марджанийя на легитимизацию политических лидеров

Еще одна важная структура, сыгравшая свою существенную роль в процессе формирования новых государственных институтов и наполнения их новой элитой, — религиозные институты.

В постаддамовском Ираке в политическом процессе доминировали шиитские политические движения, которые приобретали вес и влияние только после благословения крупного религиозного деятеля — великого аятоллы или «объекта (или источника) подражания» (марджаа ат-таклид) [Shiite ..., 2007]. Соответственно, многое в этот период зависело от марджаа Наджафа, где располагается главная шиитская хауза (семинария). В настоящее время эту позицию занимает великий аятолла Али ас-Систани, который, будучи представителем школы квиетизма (невмешательства в политические дела), тем не менее не раз был вынужден выступать с ключевыми для страны решениями [Филин и др., 2015] и поддерживать шиит-

ские партии и политиков. Так, считается, что победившая на первых парламентских выборах 2005 года шиитская партия «Объединенная иракская коалиция» (ОИК) получила его поддержку так же, как и глава переходного правительства, лидер партии «Даава» (Призыв) Ибрахим аль-Джаафари, а затем и глава правительства Хайдер аль-Абади (2014—2018). В конце 2019 года в ходе массовых волнений в Ираке Али ас-Систани, понимая неотвратимость изменений, как и неспособность элит принять решение, обратился к ним с призывом удовлетворить требования протестовавших. Абдель Махди был в итоге вынужден покинуть пост премьер-министра после очередного обращения ас-Систани к парламенту, которое лишило правительство легитимности.

После американского вторжения отношения между государством и шиитской духовной властью в Ираке начали быстро меняться — последняя получила более формализованный статус. Для вернувшихся из изгнания шиитских политиков была очень важной артикуляция их близости к ас-Систани, что придавало им дополнительный вес и легитимность. Сам ас-Систани воздерживался от радикальных решений и старался занимать равноудаленную позицию. Такое стратегическое видение позволило ему выступать в качестве знакового лидера в кризисные периоды и выполнять функцию легитимизации политических лидеров и движений.

Институт марджайя в Ираке не является официальной структурой, однако Х. Х. аль-Карави обращает внимание на символичность упоминания великих мараджи (во множественном числе *марджаа*) в преамбуле к иракской конституции: «откликаясь на зов наших религиозных лидеров <...> и на требование (или наставление — прим. автора) наших великих мараджи» [Конституция Ирака ..., 2005]. Конституция упоминает религиозных лидеров, выступавших за принятие новой конституции, отмечая их наставническую роль [Al-Qarawee, 2019].

6. Заключение

В результате насильственного прерывания национального государственного развития Ирака в 2003 году процесс рекрутирования в иракскую элиту зависел от ряда факторов, ключевыми среди которых на первом этапе стали связи с оккупационными силами и близость к ним (США и возглавляемой ею коалиции). Несмотря на внедрение оккупационной силой демократических механизмов, иракская элита в постсадамовский период испытывала влияние традиционных институтов. Более того, сложившиеся в дооккупационный период принципы взаимодействия оппозиционных режиму С. Хусейна организаций и движений предполагали зависимость от

этноконфессиональных идентичностей в процессе распределения постов. Эта система («мухасаса таифийя»), где каждая из этноконфессиональных общин получает государственные позиции и доступ к ресурсам в объеме, зависящем от доли общины в общей численности населения, получила свое распространение в постсаддамовский период.

Особое значение после 2003 года обрели религиозные институты, в первую очередь представителей шиитской части населения страны. Если в дооккупационный период роль духовных лидеров была в подчиненном государству положении и даже характеризовалась борьбой между государством и религиозными институтами, то в постсаддамовский период религиозные институты стали источником легитимности для новой иракской политической элиты.

Источники и принятые сокращения

1. Конституция Ирака 2005 г. (مستور جمهورية العراق) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета представителей (парламент) Ирака. — 2005. — Режим доступа : <https://ar.parliament.iq/الدستور/> (дата обращения 18.12.2017).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ад-Дабагх А. Настроение общественности изменилось. Считаете ли Вы, что нахождение иракских исламских партий в «светскости» — спасательный круг? (на араб. طوق نجاه؟ «العلمانية» هل تجد الأحزاب الإسلامية العراقية في.. مزاج الجمهور تغير) [Электронный ресурс] / А. Ад-Дабагх // Sasapost. — 07.07.2017. — Режим доступа : <https://www.sasapost.com/will-the-islamic-parties-in-iraq-succeed-in-recycling-themselves/> (дата обращения 08.08.2018).

2. Алексеев И. Л. Династическая автократия и конкурентный трайбализм в средневековом мусульманском обществе : взгляд Ибн Халдуна / И. Л. Алексеев // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». — 2016. — № 1. — С. 91—101.

3. Ат-Тамими М. З. М. Политическая и капиталистическая элита иракского государства в период 1968—2003 гг. (на араб. ياسية ورأسمالية الدولة العراقية للفترة النخبية الس. ٢٠٠٣-١٩٦٨) / М. З. М. Ат-Тамими. — Багдад : Университет аль-Мустансирийя, 2013. — 52 с.

4. Гаман-Голутвина О. В. Определение основных понятий элитологии / О. В. Гаман-Голутвина // Полис. — 2000. — № 3. — С. 97—103.

5. Мамедов Р. Ш. Влияние санкций ООН и США на политическую элиту Ирака / Р. Ш. Мамедов, В. А. Морозов // Вестник МГИМО-Университета. — 2020. — № 13 (1). — С. 129—146. — DOI: 10.24833/2071-8160-2020-1-70-129-146

6. Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока : конфликтность, насилие, внешнее вмешательство / В. В. Наумкин // Вестник Московского университета. Серия 25 : Международные отношения и мировая политика. — 2015. — № 1. — С. 66—96.

7. Сапронова М. А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (Из истории конституционного развития Ирака) / М. А. Сапронова. — Москва : Институт Ближнего Востока, 2006. — 196 с. — ISBN 5-89394-168-3.

8. *Сарабьев А. В.* Ливан : обыкновенная «консоциальная демократия» в региональном контексте / А. В. Сарабьев // Вестник МГИМО-Университета. — 2019. — № 12 (4). — С. 89—112. — DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-89-112.
9. *Филин Н. А.* Аятолла Али Систани : новые возможности старой школы шиитского религиозного наставничества / Н. А. Филин, М. Г. Пилюян // Общественно-политический журнал «Власть». — 2015. — № 2. — С. 133—137.
10. *Al-Qarawee H. H.* The ‘formal’ Marja’ : Shi’i clerical authority and the state in post-2003 Iraq / H. H. Al-Qarawee // British Journal of Middle Eastern Studies. — 2019. — № 46 (3). — Pp. 481—497.
11. *Cordesman A. H.* Withdrawal From Iraq : Assessing the Readiness of Iraqi Security Forces / A.H. Cordesman. — Washington, D.C. : The Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2009. — 38 p.
12. *Dodge T.* Tracing the Rise of Sectarianism in Iraq after 2003 [Electronic resource] / T. Dodge // LSE Middle East Centre Blog. — 2018. — Access mode : <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/09/13/tracing-the-rise-of-sectarianism-in-iraq-after-2003/> (accessed 14.08.2020).
13. *Hourani A. H.* History of the Arab peoples / A. H. Hourani, M. A. Ruthven. — Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 2002. — 460 p. — ISBN 0-674-39565-4.
14. *Lustick I.* Stability in deeply divided societies : Consociationalism versus control / I. Lustick // World Politics. — 1979. — № 31 (3). — Pp. 325—344.
15. *Marr Ph.* Iraq’s New Political Map / Ph. Marr. — Washington, DC : U.S. Institute of Peace, 2007. — 24 p.
16. *Rubin M.* Iraq : Iraqs Electoral System : A Misguided Strategy [Electronic resource] / M. Rubin // The Middle East Forum. — 2004. — Access mode : <https://web.archive.org/web/20061214002339/http://www.meforum.org/article/634> (accessed 20.08.2020).
17. *Saouli A.* Sectarianism and political order in Iraq and Lebanon / A. Saouli // Studies in Ethnicity and Nationalism Journal. — 2019. — № 1. — Pp. 67—87. — DOI: 10.1111/sena.12291.
18. *Selim G.* The impact of post-Saddam Iraq on the cause of democratization in the Arab world / G. Selim // International Journal of Contemporary Iraqi Studies. — 2012. — № 6 (1). — Pp. 53—87.
19. *Shiite Politics in Iraq : The Role of the Supreme Council* [Electronic resource] // Baghdad / Istanbul / Brussels : International Crisis Group, Middle East Reports. — 2007. — Access mode : <https://www.refworld.org/pdfid/473d5d632.pdf> (accessed 23.08.2020).

FEATURES OF THE POLITICAL DEVELOPMENT OF IRAQ IN 2003—2020: THE FORMATION OF A NEW ELITE

© **Ruslan Sh. Mamedov (2021)**, orcid.org/0000-0002-9783-5500, ResearcherID AAY-5837-2020, Program Manager, Russian International Affairs Council (RIAC) (Moscow, Russia), rmamedov@russiancouncil.ru.

© **Marina A. Sapronova (2021)**, orcid.org/0000-0002-4241-2156, SPINcode 9450-6103, Doctor of History, Professor, Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Oriental Studies, Federal state autonomous institution of higher education “Moscow State

Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation" (Moscow, Russia), m.sapronova@inno.mgimo.ru.

The features of recruiting the political elite of Iraq after the overthrow of the regime of President Saddam Hussein in 2003 are considered. The relevance of the study is due to the need to study the processes of elite formation in the Middle East during the period of regional transformations. The key mechanisms and principles of the formation of the Iraqi political elite within the framework of the emerging post-Saddam political system have been identified. It is shown that the political leaders who came into power with the support of the Americans until 2003 were the "counter-elite" of S. Hussein, therefore participation in the opposition movements became an important criterion for recruiting. Special attention is paid to the informal (traditional) principles of recruiting the new elite, which have become the main mechanism of this process. In particular, the following principles are described: "muhasasa taifiyya", which assumes the distribution of political positions in accordance with the share of ethno-confessional groups in the general population, clan solidarity, and religious institutions. It is emphasized that the role of Shiite religious structures, including spiritual leaders, and their influence on the formation of the political elite have significantly increased compared to the pre-occupation period.

Key words: Iraq; Shiites; the political elite recruiting; muhasasa; ethno-confessional group; clannishness.

MATERIAL RESOURCES

Konstitutsiya Iraka 2005 g. [The Constitution of Iraq of 2005]. (2005). In: *Ofitsialnyy sayt Soveta predstaviteley (parlament) Iraka* [Official website of the Council of Representatives (Parliament) Iraq]. Available at: <https://ar.parliament.iq/العراقي-الدستور/> (accessed 18.12.2017). (In Arab.).

REFERENCES

- Ad-Dabaghk, A. (07.07.2017). Nastroeniye obshchestvennosti izmenilos'. Schitayete li Vy, chto nakhozheniye irakskikh islamskikh partiy v «svetskosti» — spasatelnyy krug? [The mood of the public has changed. Do you think that the presence of Iraqi Islamic parties in "secularism" is a lifeline?]. In: *Sasapost* [Sasapost]. Available at: <https://www.sasapost.com/will-the-islamic-parties-in-iraq-succeed-in-recycling-themselves/> (accessed 08.08.2018). (In Arab.).
- Alekseyev, I. L. (2016). Dinasticheskaya avtokratiya i konkurentnyy traybalizm v srednevekovom musulmanskom obshchestve: vzglyad Ibn Khalduna [Dynastic autocracy and competitive tribalism in medieval Muslim society: the view of Ibn Khaldun]. *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. Zarubezhnoye regionovedeniye. Vostokovedeniye»* [Vestnik RSUH. Series "Political Science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental Studies"], 1: 91—101. (In Russ.).
- Al-Qarawee, H. H. (2019). The 'formal' Marja': Shi'i clerical authority and the state in post-2003 Iraq. *British Journal of Middle Eastern Studies*, 46 (3): 481—497.
- At-Tamimi, M. Z. M. (2013). *Politicheskaya i kapitalisticheskaya elita irakskogo gosudarstva v period 1968—2003 gg.* [Political and capitalist elite of the Iraqi state in the period 1968—2003]. Bagdad: Universitet al-Mustansiriyya. 52 p. (In Arab.).
- Cordesman, A. H. (2009). *Withdrawal From Iraq: Assessing the Readiness of Iraqi Security Forces*. Washington, D.C.: The Center for Strategic and International Studies (CSIS). 38 p.

- Dodge, T. (2018). Tracing the Rise of Sectarianism in Iraq after 2003. *LSE Middle East Centre Blog*. Available at: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/09/13/tracing-the-rise-of-sectarianism-in-iraq-after-2003/> (accessed 14.08.2020).
- Filin, N. A., Piloyan, M. G. (2015). Ayatolla Ali Sistani: novyye vozmozhnosti staroy shkoly shiitskogo religioznogo nastavnichestva [Ayatollah Ali Sistani: new opportunities of the old school of Shiite religious mentoring]. *Obshchenatsionalnyy nauchno-politicheskiy zhurnal «Vlast'»* [National scientific and political journal "Power"], 2: 133—137. (In Russ.).
- Gaman-Golutvina, O. V. (2000). Opredeleniye osnovnykh ponyatiy elitologii [Defining the basic notions of lithologie]. *Polis* [Polis], 3: 97—103. (In Russ.).
- Hourani, A. H., Ruthven, M. A. (2002). *History of the Arab peoples*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 460 p. ISBN 0-674-39565-4.
- Lustick, I. (1979). Stability in deeply divided societies: Consociationalism versus control. *World Politics*, 31 (3): 325—344.
- Mamedov, R. Sh., Morozov, V. A. (2020). Vliyaniye sanktsiy OON i SShA na politicheskuyu elitu Iraka [The Impact of UN sanctions and the US political elite of Iraq]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Vestnik MGIMO-University], 13 (1): 129—146. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-1-70-129-146. (In Russ.).
- Marr, Ph. (2007). *Iraq's New Political Map*. Washington, DC: U.S. Institute of Peace. 24 p.
- Naumkin, V. V. (2015). Gluboko razdelenyye obshchestva Blizhnego i Srednego Vostoka: konfliktnost', nasiliye, vneshneye vmeshatelstvo [Deeply divided societies of the Near and Middle East: conflict, violence, external intervention]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika* [Bulletin of the Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics], 1: 66—96. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-89-112. (In Russ.).
- Rubin, M. (2004). Iraq: Iraqs Electoral System: A Misguided Strategy. *The Middle East Forum*. Available at: <https://web.archive.org/web/20061214002339/http://www.meforum.org/article/634> (accessed 20.08.2020).
- Sapronova, M. A. (2006). *Irakskaya konstitutsiya v proshlom i nastoyashchem (Iz istorii konstitutsionnogo razvitiya Iraka)* [The Iraqi Constitution in the past and present (From the history of the constitutional development of Iraq)]. Moskva: Institut Blizhnego Vostoka. 196 p. ISBN 5-89394-168-3. (In Russ.).
- Saouli, A. (2019). Sectarianism and political order in Iraq and Lebanon. *Studies in Ethnicity and Nationalism Journal*, 1: 67—87. DOI: 10.1111/sena.12291.
- Sarabev, A. V. (2019). Livan: obyknovennaya «konsotsionalnaya demokratiya» v regionalnom kontekste [Lebanon: ordinary "consociational democracy" in the regional context]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Vestnik MGIMO-University], 12 (4): 89—112. (In Russ.).
- Selim, G. (2012). The impact of post-Saddam Iraq on the cause of democratization in the Arab world. *International Journal of Contemporary Iraqi Studies*, 6 (1): 53—87.
- Shiite Politics in Iraq: The Role of the Supreme Council. (2007). *Baghdad / Istanbul / Brussels: International Crisis Group, Middle East Reports*. Available at: <https://www.refworld.org/pdfid/473d5d632.pdf> (access